

© 2001 г.

ПЕРВЫЕ ИНДИЙСКИЕ ЦАРСКИЕ ДИНАСТИИ В ЭПИЧЕСКОЙ, ПУРАНИЧЕСКОЙ И АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЯХ¹

Походы Диониса и Геракла в Индию – самый обсуждаемый вопрос в историографии индо-греческих отношений. Основы этой легенды представлены в трудах Диодора Сицилийского, Страбона, Арриана и Курция Руфа, которые в свою очередь черпали информацию из сочинений биографов Александра и «Индики» Мегасфена. Вкратце она состоит в следующем: в доисторические времена в Индию с армией, в которой было много женщин, с запада пришел Дионис. В его армии началась моровая болезнь, которую он вылечил на горе Мерос. Придя в Индию, он нашел ее совершенно дикой и ввел основы цивилизованного образа жизни: основал множество городов, установил законы и суды, научил жителей Индии выращивать, собирать и хранить различные виды продовольствия, основал земледелие и богопочитание, установил свой собственный культ, включавший в себя танцы под музыку и ношение длинных волос. За совершенные благодеяния был избран царем. С него началась царская династия: после него правили Спатемба, Будия и Крадэва. Особенно почитался Дионис «философами», жившими в горах. Геракл завоевал Индию через 15 поколений после Диониса, он неудачно пытался штурмовать скалу Аорн, совершил много подвигов, очистив Индию от разного рода нечести. Он разделил всю Индию среди сыновей, а единственной дочери по имени Пандайя даровал царство «на юге». За совершенные блага почитался жителями равнин, в городах Метора и Клейсобора, в племенах сурасенов и сивов, считавших себя потомками его войска. Геракл основал много городов, носил львиную шкуру и дубину, отличался необыкновенной силой и отвагой (Diod. II. 38–39; Strabo. XI. 5. 5; XV. 7–9; Arr. Ind. 7–9; Anab. IV. 28. 1–2, V. I. 5–6; Plin. N H. 6. 59, 76, 79; Curt. VIII. 10. 11; 11. 2).

() () ()

ПРЕДЫДУЩИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Не вдаваясь в детальный анализ точек зрения предшествующих исследователей, уже более 200 лет занятых рассмотрением этой легенды, можно ограничиться лишь перечислением тех персонажей индийской мифологической и религиозной традиции, с которыми Дионис и Геракл отождествлялись: так, первого сопоставляли с Ноем², Рамой³, Притху⁴, Шивой⁵, Рудра-Шивой⁶, Кришной⁷, Скандхой⁸, Баларамой⁹, Сомой¹⁰,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Древняя Индия в "Индики" Мегасфена» № 98-01-00031. Основные положения работы были представлены на 11-й Международной санскритской конференции в Турине (3–8 апреля 2000 г.).

² Vossius G. De idololatrie gentiliū // Ger. Vossii Opera. Amstelodami, 1700. P. 69.

³ Jones W. On the Gods of Greece, Italy and India // AR. 1798. I. 8. P. 256–257.

⁴ Lassen Ch. Bemerkungen über dieselbe Stelle des Megasthenes // ZKM. 1844. V. S. 251–254.

⁵ Müllerus C. Megasthenes // Fragmenta Historicorum Graecorum. Collegit, Disposuit, Notis et Prolegomenis Illustravit Carolus Müllerus. V. II. Parisiis, 1847. P. 401; [Schwanbeck E.A.]. Megasthenis Indika. Bonnae, 1846. P. 43, 45; McCrindle J.W. Ancient India as Described by Megasthenes and Arrian. Calcutta, 1960 (1st ed. 1877).

Ману¹¹, Сурьядэвой¹², праздником Холи¹³, мундским народным героем Манарг-Буру¹⁴, говорилось о смешении черт различных богов и героев¹⁵, или влиянии традиций разных племен¹⁶ или ландшафта¹⁷. Некоторые исследователи оставляли вопрос открытым¹⁸ либо стремились показать, что появление фигуры Диониса связано с политикой, которую проводил Александр или его биографы¹⁹, либо с «игрой» самого Александра в Диониса, который хотел вдохновить таким образом своих воинов на новые ратные подвиги²⁰. Геракл²¹ в свою очередь отождествлялся с Кришной²², Васудэвой-Криш-

P. 111. Во втором томе «Индийских древностей» Х. Лассен кратко заметил, что в Дионисе, которого почитали в горах, нужно видеть Шиву: *Lassen Ch. Indische Altertumskunde. Bd II. Bonn, 1852. S. 698; Соловьев В.С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Соловьев В.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1991. С. 21; Bevan E.R. India in Early Greek and Latin Literature // The Cambridge History of India. V. 1. Ancient India / Ed. E.J. Rapson. N.Y., 1922. P. 366, 376; Humbach H. Megasthenes and the Indian Castes // Proceedings of All-India Oriental Conference. 29th Session. 1978. Poona, 1980. P. 398; Foucher A., Bazin-Foucher E. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. V. II. P., 1947. P. 256; Buddrus G. Review of Dahlquist A. 1962 // Gnomon. 1965. 37. P. 721; Dumézil G. Héraclès: ses fils et sa fille // Dumézil G. La courtisane et les seigneurs colorés et autres essais: vingt cinq esquisses de mythologie. P., 1983. P. 48–49, 59; Long J.B. Siva and Dionysos – Visions of Terror and Bliss // Numen. 1971. 18. P. 180–209; Puskas I. Megasthenes and the «Indian Gods» Heracles and Dionysos // Mediterranean Studies. 2. Greece and the Mediterranean / Ed. R.W. Clement, B.F. Taggie, R.G. Schwartz. Kirksville, 1990. P. 39–47; Karttunen K. India in Early Greek Literature. Helsinki, 1986. P. 212–219.*

⁶ Bongard-Levin G.M. Graeco-Roman Tradition and Religion-Philosophical Currents in Mauryan India // ALB. 1980–1981. 44–45. P. 59–62; Bongard-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 374–375; Lévêque P. Dionysos dans l'Inde // Inde, Grèce ancienne: Regards croisés en anthropologie de l'espace. Annales Littéraires de l'Université de Besançon. V. 576. Actes de Colloque International. Besançon, 4–5 Décembre 1992, organisé par CHA (URA 338), le groupe de recherches en Anthropologie de l'Espace. Besançon, 1995. P. 125–137. См. также O'Flaherty W. Doniger. Dionysos and Śiva: Parallel Patterns in Two Parts of Myths // Humanist Research. 1980. 20. 1–2. P. 81–111.

⁷ Kennedy J. The Child Krishna, Christianity and the Gujars // JRAS. 1907. P. 967.

⁸ Kerbaker M. Il Bacco indiano nelle sue attinenze col mito e con culto dionisiaco // RAL. 1905. V. 23. № 1. P. 139–196.

⁹ Chaudhari K. Dionysos of Indo-Greek Coins – A Study // JNSI. 1983. 45. P. 119–133.

¹⁰ Chattopadhyaya K. Dionysos in Megasthenes: Who was He? // Proceedings and Transactions of the Third Oriental Conference. Madras. December 22nd–24th, 1924. Madras, 1925. P. 262–265.

¹¹ Stein O. Megasthenes // RE. 1931. Bd 15. Hlbd 29. S. 310; Mankand D.R. Puranic Chronology. Anand, 1951. P. 3.

¹² Cunningham A. Coins of Ancient India. Varanasi, 1963. P. vii–viii.

¹³ Growse F.S. Mathura. Mathura, 1880. P. 94.

¹⁴ Dahlquist A. Megasthenes and Indian Religion. A Study in Motives and Types. Uppsala, 1962.

¹⁵ Sethna K.D. Megasthenes and Indian Chronology as Based on the Purāṇas // Purāṇa. 1966. 8. 1. P. 16–29; Goyal S.R. Kautiliya and Megasthenes. Meerut, 1985. P. 104–123.

¹⁶ Goukowski P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336–270 av. J.-C.). II. Alexandre et Dionysos. Nancy, 1981. P. 17, 25–28, 32, 37–38.

¹⁷ Ghirshman R. Bégam. Recherches archéologiques et historiques sur les Kushans. Le Caire, 1946 (MDAFA. V. 12). P. 46.

¹⁸ Arrian. Der Alexanderzug. Indische Geschichte. Griechisch und Deutsch hrsg. und übers. von Gerhard Wirth und O. von Hinüber. Sammlung Tusculum. München–Zürich, 1985. S. 1105.

¹⁹ Nock A.D. Notes on the Ruler-Cult. I: Alexander and Dionysos // JHS. 1928. 48. P. 25–30; Neville J. Les Indes de Bacchus et d'Héraclès // RPLHA. 1929. 55. P. 245–270; Zambrini A. Idealizzazione di una terra: etnografia e propaganda negli Indika di Megasthene // Forme di contatto e processi di trasformazione nelle società antiche. Atti del convegno di Cortona (24–30 maggio 1981). Collection de l'École française de Rome. 67. Pisa-Roma, 1983. P. 1115; *idem*. Gli Indika di Megasthene II // ASNP. 1985. Ser. 3. 15. 3. P. 782–785, 790–791; *idem*. A proposito degli Indika di Arriano // ASNP. 1987. Ser. 3. 17. 1. P. 145–148, 150–152.

²⁰ Tondriau J. Alexandre le Grand assimilé à différentes divinités // RPLHA. 1949. 23. P. 45; *idem*. Dionysos. Dieu royal: du Bacchus tautomorphe au souverain hellénistiques Neoi Dionysoi // AIPHOS. 1952. 12. Mélanges Henri Grégoire. P. 455. Противоположную точку зрения – об искренности почитания Александром Диониса и отсутствии в нем прагматических мотивов см. Vallois R. Alexandre et la mystique dionysiaque // RÉA. 1932. 34. P. 81–82.

²¹ На основании мнимого этимологического сходства имен Heracles и Hari это отождествление предлагалось еще Ф. Виллфордом: Wilford F. On Egypt and Other Countries, Adjacent to the Ca'li River or Nile of Ethiopia From the Ancient Books of Hindus // AR. 1799. 3. 8. P. 46–259.

²² Lassen. Bemerkungen... S. 252 (но он связывает имя дочери Геракла Пандаи с названием династии

ной²³, Индрой²⁴, Шивой²⁵, Вишну²⁶, неким доарийским хараппским «прото-Шивой»²⁷, Панду – легендарным основателем тамильской династии²⁸, с «северными» пандами, завоевавшими юг Индии²⁹, с царем династии Пандавов Яяти³⁰, говорилось о смешении черт различных героев³¹.

Рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на пересказе, пусть даже кратком, тем более на анализе и критике выше упомянутых точек зрения, но ни одна из предшествующих попыток подобрать какого-либо персонажа индийской литературной традиции на роли Диониса и Геракла для истолкования их похода в Индию и последующей там деятельности, раскрыть механизм сложения этой легенды не

Пандавов); *idem*. Indische Altertumskunde. Bd I. Bonn, 1847. S. 647–655; 795–799; Bd II. Bonn, 1852. S. 465, 698; Bd III. Lpz., 1857. S. 1107; *Schwanbeck*. Op. cit. P. 43–44; *McCrinkle*. Ancient India as Described by Megasthenes and Arrian. P. 111; *idem*. Ancient India as Described in Classical Literature. Westminister, 1901. P. 108. В другой работе он указал на то, что в «индийском» Геракле нужно видеть Балараму: *idem*. The Invasion of India by Alexander the Great. New Delhi, 1896. P. 70; *Barth A.* Les religions de l'Inde // Encyclopédie des sciences religieuses. P., 1879. P. 100; *Garbe G.* Indien and Christentum. Tübingen, 1914. S. 264; *Schröder L. von*. Heracles und Indra. Eine mythenvergleichende Untersuchung. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 58. Abhandlung 3. Wien, 1914. S. 22; *Bevan*. Op. cit. P. 367, 376; *Chatopadhyaya*. Op. cit. P. 263; *Ruben W.* Krishna. Konkordanz und Kommentar der Motive seines Heldenlebens. Istanbul, 1943 (Istambuler Schriften. 17). S. 278–281; The History and Culture of Indian People / Ed. R.C. Majumdar. Vol. II. The Age of Imperial Unity. Bombay, 1953. P. 432; *Goosens R.* Le démon indien Σορῶβελος // NCL. 1953. 5. P. 38–47; *Eggermont P.H.L.* The Muruṅgas and the Ancient Trade Route From Taxila to Ujjain // JESHO. 1966. 9. P. 257–296; *Humbach*. Op. cit. P. 398; *Puskas*. Megasthenes... P. 39–47; *Karttunen*. India in Early Greek Literature. P. 211.

²³ *Audouin R., Bernard P.* Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Ai-Khanoum // RN. 1974. 6e série. 16. P. 18–20; *Bongard-Levin*. Op. cit. P. 56–59. *Бонгард-Левин Г.М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. P. 288.

²⁴ *Müllerus*. Op. cit. P. 401; *Dahlquist*. Op. cit.

²⁵ *Cunningham*. Op. cit. P. vii–viii. Эта точка зрения была поддержана в следующих работах: *Kennedy*. Op. cit. P. 951–991; *Rawlinson H.G.* Intercourse Between India and the Western World. Camb., 1916. P. 61; *Casparis F. de*. Review of: *Dahlquist A.* Megasthenes and Indian Religion // JRAS. 1963. P. 280; *Renou L., Filliozat J.* L'Inde classique. Manuel des Études indiennes. V. I. P., 1947. P. 245; *Filliozat J.* Les dravidiens dans la civilisation indienne // JS. 1969. P. 76–77; *idem*. La valeur des connaissances gréco-romaines sur l'Inde // JS. 1981. P. 111–112; *idem*. Plin et le Malaya // JA. 1974. 262. P. 128; *André J., Filliozat J.* Plin l'Ancien. Histoire Naturelle. Livre VI. 2e partie. P., 1980. P. 105 (здесь авторы предложили противоречивую гипотезу: упоминание Плинием Старшим пандов (б. 76) восходит к Пандавам, а Пандайн – к южноиндийской мифологической традиции), 156–158.

²⁶ *Соловьев*. Ук. соч. С. 19.

²⁷ *Skurzak L.* En lisant Mégasthène (Nouvelles observations sur la civilisation indienne) // Eos. 1979. V. 67. P. 72; *Sachse J.* Megasthenes o Indikach // Classica Wratislaviensis VIII. Acta Universitatis Wratislaviensis. Wratislava, 1981. 578. P. 49.

²⁸ *Romanis F. de*. Romanukharatṭha e Taprobane: sui rapporti Roma-Ceylon nel I secolo // Helikon. 1988. 28. P. 52–53; см. английский перевод: Romanukharatṭha and Taprobane: Relations Between Rome and Sri Lanka in the First Century A.D. // Crossings. Early Mediterranean Contacts with India / Ed. F. de Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1996. P. 198; *Romanis F. de*. Roma e i Nótia dell' India, ricerche sui rapporti tra Roma e l'India dravidica dal 30 a.C. all'età Flavia // Helikon. 1982–1987. 22–27. P. 185–189. См. английский перевод: Rome and the Nótia of India: Relations Between Rome and Sri Lanka in the First Century A.D. // Crossings... P. 110–112.

²⁹ Ancient India as Described by Ptolemy; being a Translation of the Chapters Which Describe India and Central and Eastern Asia in the Treatise on Geography Written by Klaudios Ptolemaios, the Celebrated Astronomer, with Introduction, Commentary, Map of India According to Ptolemy, and a very Copious Index by J. W. McCrinkle. Calcutta–Bombay–London, 1885. P. 60; *Parpola A.* Bala-Rāma and Sitā: on the Origins of the Rāmāyaṇa // XIth World Sanskrit Conference. Turin, Villa Gualino, April 3rd–8th, 2000. Summaries of Papers. Torino. 2000. P. 109.

³⁰ *Dumézil*. Héraclès, ses fils et sa fille. P. 51–59; *idem*. Pandaia et le pays Pāṇḍya? // *Dumézil*. La courtisane ... P. 60–65; *idem*. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi // *Dumézil G.* Mythe et épopée. V. II. P., 1971. P. 258–259, 262, 264.

³¹ *Goyal*. Op. cit. P. 113–124; *Vofchuk R.* Megasthènes y la religión de la India // Oriente-Occidente (Centro de investigaciones filosóficas C.I.F. seminario de Indología). Buenos Aires. 1985. V. 1. P. 19. См. *Karttunen K.* Graeco-Indica – A Survey of Recent Work // Arctos. 1986. 20. P. 85; *Puskas I.* Indian Religions in Classical Sources // Acta Classica Universitatis Scientiarum Debrecen. 1989. 25. P. 64–66; *Filliozat J.* Pandaia, fille d'Héraclès indien // JA. 1943–1945. 234. P. 420.

увенчались успехом. Для исследователей этот сюжет представляется набором деталей, связанных с культом и мифами о каком-то определенном боге, которые и записали спутники Александра Македонского и Мегасфен. Порочность такой методик очевидна из ее безрезультатности: кажется, что для отождествления «индийских» Диониса и Геракла были предложены все значимые персонажи местной религиозно-мифологической традиции. Для выхода из тупика в стратегию исследований нужно внести коррективы: четко определить, какой сюжет стоял в центре внимания его авторов, отделить данные Мегасфена от информации, сообщенной соратниками Александра, выявить систему стереотипов и категорий, которыми оперировали рассказчики этой и типологически родственных легенд. Во всем объеме информации источников, относящейся к этому сюжету, нужно четко различать, по меньшей мере, два пласта: то, что было увидено и описано историками Александра и Мегасфеном. Пересказ Диодора, Арриана и Страбона основан на смешении этих версий. Не стоит забывать, что и у них были предшественники – Геродот и Ктесий, чья информация влияла на сложение более поздних рассказов об Индии, и в основном анонимные последователи. Кроме того, нужно отказаться от стремления найти соответствия непременно всем характеристикам «индийских» Диониса и Геракла: в этих фигурах отразились впечатления многих людей, живших в разное время, описывавших разные территории, культура которых оставалась для них чуждой; исследование данного сюжета не должно переходить границы возможного.

ГРЕЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СЛОЖЕНИЯ ЛЕГЕНДЫ

Легенда об индийском походе Диониса и Геракла передана в категориях, употреблявшихся в греческом мире при описании праистории Эллады и других регионов ойкумены и начала в них царской власти. Само появление истории о Дионисе и Геракле в античной традиции объясняется следующим образом: с одной стороны, в древнейший период истории какого-либо народа, начало его государственности, родословная его царей составляли неотъемлемую часть греческой этнографической традиции. Таким образом строится описание Персии (Herod. I. 96–107), Египта (Herod. II. 99–142), собственно Эллады (Apollod. I. 7. 2; II. 1. 1). Существовал некий вопросник, своего рода анкета, заполнение которой и должно было составить описание истории той или иной местности. Если материала местной традиции для такой анкеты не было или его не удавалось получить в свое распоряжение (а современные исследователи, оперирующие материалом всей индийской литературы, а priori полагают, что она должна была быть известна тому же Мегасфену в не меньшем объеме), то по тем или иным косвенным признакам, чаще всего – по аналогии с историей Эллады – «домысливалась» история того или иного региона. Влияние этого вопросника явственно прослеживается, например, у Фукидида при описании древнейшего периода истории Эллады, ее первых царей и правителей соседних регионов (например, I. 2. 2; I. 4. 1; I. 8. 2; I. 10. 2; I. 15. 2). Традиции каких-либо народов об их собственном происхождении («признавались» только в том случае, если они соответствовали уже устоявшемуся стереотипу. Задачей древнего хорографа при пересказе было интегрирование «варварских» (в том числе индийской, персидской, ассирийской) традиций в греческую мифологическую праисторию. Он должен был следовать собственной литературно-этнографической традиции, предписывавшей необходимость представить описание начала истории, в данном случае – царской власти описываемого региона. Забегая чуть вперед, скажем, что описание деятельности Диониса – культурного героя в Индии – представлено у Мегасфена практически теми же словами, как и описание благодетелей, совершенных для древних жителей Италии царем (именно царем, но не богом!) Италом: «... φασὶ γὰρ οἱ λόγοι τῶν ἐκεῖ κατοικοῦντων Ἰταλὸν τινα γενέσθαι βασιλέα τῆς Οἰνωτρίας... τοῦτον δὴ λέγουσι τὸν Ἰταλὸν νομάδας τοὺς Οἰνωτροὺς ὄντας ποιῆσαι γεωργοὺς καὶ νόμους ἄλλους τε αὐτοῖς θέσθαι καὶ τὰ συσσίτια

катаστήσαι πρῶτων...» (Arist. Pol. 1329b)³². Примерно теми же словами описывается культурная деятельность Александра Македонского в Персии (Arr. Ind. 40. 8). Именно правление первых индийских царей, начало индийской истории, а не религиозные культы, как полагает большая часть исследователей этого вопроса, интересовало Мегасфена прежде всего в этом сюжете. В его рассказе нужно видеть не просто бессвязный набор подробностей о двух каких-то местных богах, а сложную конструкцию, состоящую из этнографических и политических мотивов: описание древнейшего этапа истории Индии, переданное определенными именно для этого сюжета выразительными средствами древнегреческой этнографической и политической литературы, вокруг которого уже и размещаются многочисленные второстепенные подробности. "Дионис" и "Геракл" являются в данном случае своего рода техническими терминами, когда речь заходит о начале царской власти. Вероятно, если бы речь шла о каком-либо ином регионе, прародители его государственности вообще и царской власти в частности также носили бы имена Диониса и Геракла.

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ ДИОНИСОМ

Если в истории о завоевании Индии Дионисом Мегасфена интересовало прежде всего начало царской власти, то, вероятно, единственным источником, к которому могла бы восходить такого рода информация, было описание обряда посвящения на царство первого индийского царя – *раджасуя*, во время которого совершающий его царь символически завоевывает всю землю. Совершение первого обряда раджасуи может означать первое (символическое) завоевание Индии ее первым царем. Завоевание Индии, описанное античными авторами, является лишь *Interpretatio Graeca* информации, так или иначе (скорее всего не на прямую) восходящей к сведениям, касающимся совершения обряда раджасуи, и передают смысл одного из основных понятий деятельности царя – «vijaya» (завоевание). В том, что данные Мегасфена могут восходить к древнеиндийской царской обрядности, нет ничего невозможного. Как показал Р. Гузенс³³, Флавий Филострат (Arr. 2. 19. 5) весьма точно передал описание обряда Ашвамедхи в его древней и мало известной форме, находящей наилучшие соответствия в «Шатапатхабрахмане». Если проанализировать материал пуранической традиции, содержащей данные о раджасуе, то внимательное прочтение соответствующих эпизодов о начале земной истории вообще и царской власти в частности дает почти, а иногда – совершенно точные параллели к рассказу (или пересказу сообщений историков Александра Македонского) Мегасфена о династии первых индийских царей, основанной Дионисом. Привлечение данных пуран, несмотря на более позднюю дату фиксации самих пуранических текстов по сравнению со временем визита Мегасфена в Индию, оправдано, так как мифологическая традиция о начале земной истории и первых царях восходит к гораздо более отдаленным временам, более ранним, нежели сведения греков об Индии. Так, «Брахма-пурана» сообщает, что первым царем в начале эры Ману Вайвасваты был Притху, он же первым и совершил обряд посвящения на царство – раджасуя, символически завоевав всю землю (а соответственно и всю Индию):

rājasūyābhiṣiktas tu pṛthur atair narādhipaiḥ |
 vedadṛṣṭena vidhinā rājā rājye narādhipaḥ ||
 tato manvantare 'ṛite cākṣuṣe 'mitatejasi |
 vaivasvatāya manave pṛthivyāṃ rājyāṃ ādiśat (4. 16–17)³⁴.

³² «Ученые из тамошних жителей рассказывают, что был некто Итал, царь Энотрии ... Передают, что Итал сделал энотров, которые вели кочевой образ жизни, земледельцами, дал им новые законы и впервые установил сисситии». Перевод С.А. Жебелева.

³³ В античной литературе известны примеры весьма точного описания индийских царских обрядов (Goossens R. Un texte grec relatif à Asvamedha // JA. 1930. 216. P. 280–285).

³⁴ «В церемонии раджасуя Притху был посвящен этими царями [имеются в виду боги, назначенные

Сам обряд подразумевает символическое ведение «боевых действий» совершающим его царем, а традиция, сложившаяся вокруг этого ритуала, наполнена «реальными» войнами, которые ведутся как жителями земли, так и небес. Пересказом такого рода мифологического события и могло явиться повествование Мегасфена о покорении Дионисом и Гераклом всей Индии. Хотя завоевательные экспедиции и вторжения, включенные в обряд раджасуи, имели лишь символическое значение³⁵, покорение всего мира являлось как исходным пунктом, так и целью (пусть лишь ритуальной, но всегда через ритуал декларируемой) правления любого индийского царя.

Собственно завоевательная деятельность в ходе обряда раджасуи происходит во время следующего эпизода³⁶: 12 ратнинов, располагаясь с юга на север или с запада на восток (что повторяет направление движения армии Диониса в ходе его индийского похода), символизировали «части», «члены» владения, которые царь должен был сконцентрировать, собрать воедино, интегрировать в собственной персоне. Совершив жертвоприношение в доме каждого ратнина, царь, таким образом, завоевывает и крепко удерживает свое владение. Интересно, что в ходе жертвоприношения восьми богам царь совершает три шага Вишну, символизировавших завоевание «трех миров» с запада на восток³⁷. Это же направление прослеживается и в ритуальной игре в кости, одной из важнейших составляющих раджасуи³⁸, и в описании, данном в брахманах, сходного с раджасуей обряда, принятого в племени куру-панчала, предназначенного также для встречи нового года: символическое завоевание мира проходит с запада на восток, а затем войско «завоевателей» возвращается в западном направлении. Уместно отметить, что указание на то, что Дионис пришел именно «ἐκ τῶν πρὸς ἑσπέρας τόπων» (Diod. II. 38.3: «из мест, лежащих к западу»), передано не самими греками, а их индийскими информаторами.

Что касается армии Диониса (Diod. II. 38. 6), то в качестве таковой можно рассматривать сто человек, пьющих сому во время ритуала *daśapeya*. Анализ обряда *gāṇāhaviṃśi* показывает, что из двенадцати ратнинов два или три места отдавались женщинам³⁹ — это явственно перекликается с сообщением Мегасфена (Diod. II. 38. 6) о наличии женщин в лагере Диониса. Нельзя не вспомнить и о том, что женщины составляли значительную часть свиты «греческого» Диониса.

РОЖДЕНИЕ ДИОНИСА В ИНДИИ

Писатели позднеэллинистического и римского времени, которые сохранили в своих трудах сведения соратников Александра и сообщения Мегасфена, выразили недоверие относительно рождения Диониса из бедра Зевса: «Διόνυσος ἐξέτρεψε τὰς δυνάμεις ἐκ τῆς νόσου· ἐφ' οὗ δὲ καὶ τοὺς Ἑλλήνας περὶ τοῦ θεοῦ τοῦτου παραδεδωκέναι τοῖς μεταγενεστέροις τεθρέφθαι τὸν Διόνυσον ἐν μηρῷ» (Diod. II. 38. 4)⁴⁰; «Sita est (urbs) sub radicibus montis quem Meron incolae appellant, inde Graeci mentiendi traxere licentiam Iouis femine Liberum Paterem esse coelatum» (Curt. 8. 10. 12)⁴¹, т.е., по их мнению, не индийцы, а сами участники похода Александра создали этот сюжет,

Брахмой покровителями тех или иных сфер растительного, животного и других миров. — М.Б.] на царство / По ведийскому ритуалу царь на царство царями [посвящен] / Так как прошла эра Ману Чакшуши, / Он [Брахма. — М.Б.] передал земное царство Ману Вивасвате.

³⁵ Thite G. *Antipathy to Rājāsūya: Why? // Sambodhi*. 1972. 1. 3. October. P. 54–57.

³⁶ Анализ ритуала см. Sharma R.S. *Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India*. Delhi–Varanasi–Patna, 1959. P. 103–118.

³⁷ Ibid. P. 71.

³⁸ Ibid. P. 152–153.

³⁹ Ibid. P. 117.

⁴⁰ «Дионис исцелил армию от болезни, поэтому эллины передают последующим поколениям, что Дионис был взращен в бедре».

⁴¹ «Город расположен у подножья горы, которую местные жители называют Мерос, поэтому и греки выдумали басню, что Либер патер был заключен в бедре Юпитера».

довольно грубо подогнав исцеление армии Диониса под его рождение. Римляне Курций Руф и Диодор Сицилийский под «греками» имели в виду, конечно, не столько участников похода Александра в Индию (Curt. VIII. 10. 11–12) и Мегасфена (который безусловно был в курсе всего того, что было связано с горой Мерос в пересказе спутников Александра), сколько эллинскую мифологическую традицию в целом. Однако близость их сведений материалам индийской традиции заставляет усомниться в этом выводе.

С одной стороны, эта история имеет довольно точные параллели в «Брахма-пуране». Из бедра Вены – отца первого царя Притху – родился повелитель племени нишадов и других племен, обитавших в горах Виндхья (4. 42–47), а после него из правой руки Вены на свет появился сам Притху (4. 47–49), который стал повелителем всех существ, а также гор, растений и животных (4. 42–47). Так же говорит и «Вишну-пурана» (I. 13. 8–10). Факт рождения Притху из правой руки своего отца, пусть не идентичен, но весьма близок сообщению Диодора о появлении Диониса из бедра своего отца (Diod. II. 38. 4; Strabo. XV. 1. 8; Arg. Anab. V. 1. 6). Встретив сюжет, столь схожий с греческим, его первый пересказчик⁴² вполне мог его «подогнуть» под нечто более знакомое, изменив руку на бедро, как источник рождения Диониса⁴³. Но это значит, что участники похода Александра должны были встретить информацию, восходящую к классическим санскритским пуранам. Нельзя сказать, что это предположение совершенно правдоподобно.

Можно было бы предположить, что на сложение этого сюжета в сочинениях биографов Александра Македонского определяющее влияние могла оказать местная небрахманическая традиция: в преданиях кафиров сохранилась история о боге Gish/Givish, которая несет в себе черты сходства с тем, что было рассказано о Дионисе и его войске. Gish/Givish был своего рода Марсом кафиров. Отправившись в поход со своей армией, он дал ее участникам плоды чудесного дерева с тем, чтобы они набрались сил. Затем он повел их против демона Сама⁴⁴.

Однако эти сообщения отстоят значительно дальше по точности от материала санскритских пуран. Можно было бы предположить, что изначально появилась на свет история о походе какого-то местного божества типа Gish/Givish. Местные легенды о горе Меру могли послужить основой для сложения истории о рождении на ней Диониса. Мегасфен, будучи в Паталипутре, в поиске информации о первом царе не мог пропустить сюжет о его появлении на свет тем более, что он уже был обозначен в трудах биографов Александра. Найдя его аналог в истории о рождении Притху, Мегасфен оставил его в своем повествовании. И уже более поздними писателями оба сюжета были поставлены в причинно-следственную связь.

ИЗБРАНИЕ ДИОНИСА ЦАРЕМ

Дионис был избран царем, так как превосходил всех своих подданных в добродетели, но не по праву силы (Diod. II. 38–39). Принимая во внимание то, что этот сюжет описан в греческих понятиях, в «Брахма-пуране» можно обнаружить явную параллель, которую можно рассматривать, как источник развития данной темы: Притху был избран царем «anurāgāt», т.е. «от любви», «от привязанности», что вполне точно передает идею воцарения благодаря превосходству не в силе, а в добродетели anurāgāt

⁴² А им, кстати, не мог быть Мегасфен, что явственно следует из «Географии» Страбона (XV. 1. 9), где его авторство приписано «льстецам Александра», и «Анабасиса» Арриана (V. 1. 6), что вполне объясняло бы причину изменения сюжета «в пользу» Александра.

⁴³ В этом ключе дается анализ этого эпизода Р.М. Хантингтоном. Также он утверждает, что почти во всех источниках вместо «руки» фигурирует «бедро» (Huntington R.M. The Legend of Prithu // Purāṇa. 1960. 2. 1–2. P. 190. Not. 8).

⁴⁴ Jettmar K. Die Religionen des Hindukusch. Stuttgart–Berlin–Köln–Mainz, 1975 (Die Religionen der Menschheit. Bd. 4. 1). S. 91.

tatas tasya nāma rājābhya jāyata (4. 57: «именно благодаря любви он был рожден царем»). То же говорит и «Вишну-пурана» (I. 13. 48).

В данном контексте «anugāga» вполне точно передает, что любовь Притху к живым существам, которым он «anugāt» даровал множество благ, и была причиной избрания его земным царем.

ДИНАСТИЯ ДИОНИСА

Арриан передает следующее сообщение Мегасфена: «...καταστῆσαι βασιλέα τῆς χώρης Σπατέμβαν τῶν ἐταίρων ἕνα τῶν βακχῶδέστατον τελευτήσαντος δὲ Σπατέμβα τὴν βασιλίην ἐκδέξασθαι Βουδύαν τὸν τοῦτου παῖδα ... ἐκδέξασθαι τὴν βασιλίην Κραδεύαν» (Arg. Ind. 8. 1–2)⁴⁵. Среди всех имеющихся в источниках деталей описания похода Диониса и Геракла в Индию нужно выделить те, которые могут быть отнесены сразу ко многим героям индийской мифологии, и те, которые однозначно указывают на одного из них. Особую ценность для этого имеют генеалогические данные. К неоспоримым свидетельствам античной традиции, позволяющим идентифицировать те или иные черты древнеиндийского прототипа этой истории, можно отнести следующее: им был вполне земной смертный правитель, стоящий в одном ряду с Сесострисом, Семирамидой, Набокодросором, Теарконом и Иданфирсом (Strabo. XV. 1. 6; Arg. Ind. 5. 6–8), ибо только после смерти он удостоился божеских почестей, пришедший в Индию с запада со своей армией с целью завоевания, он был первым царем, затем стал почитаться как бог за свою эвергетическую деятельность. Следовательно, собственно боги, не проделавшие путь с земли на небо – например, Шива, Вишну, Индра – не могут считаться имеющими прямое отношение к сложению этой легенды в пересказе Мегасфена.

Так как Сандракотт (Чандрагупта Маурья) и Дионис принадлежали к одному царскому роду (Arg. Ind. 9. 9), а известно, что первый Маурья принадлежал к царям Лунной династии (MP. 272. 22), то Дионис, положивший начало роду Чандрагупты, и первый царь Лунной династии – одно и то же лицо. А им мог быть только Притху – первый земной царь по пуранической традиции. Притху не был собственно основателем Лунной династии, но он – первый царь по ее «списку», стоявший перед ее традиционным основателем – Сомой. «Изначальным» (adhirājendra, adhirāja), «первым» (prathamō) из царей величает Притху текст «Брахма-пураны»:

pārthivais ca mahābhāgaiḥ pārthivatvam ihecchubhiḥ ||...
ādīrājo namaskāryo yodhānām prathamō nṛpaḥ (4. 1, 117–118)⁴⁶.

Притху занимает в списке «первых царей» особенное место – ведь именно от него Земля получила свое имя «Pṛthivī» (4. 113), к тому же Притху в одном из центральных эпизодов мироустройства обращается в Ману Свямбхуву (4. 26). Таким же образом Притху воспевается и в «Ваю-пуране»⁴⁷ (Ср. VP. I. 13. 92).

Следующим после Диониса царем был некий Спатемба, а после него – Будия. В последнем легко угадывается Будха, также третий царь в рассказе «Брахма-пураны». Между Притху и Будхой текст помещает царствование Сомы. Он не был сыном Притху, и текст Мегасфена в пересказе Арриана также не утверждает родственной связи между Дионисом и Спатембой, тогда как Будха назван именно сыном (τὸν τοῦτου παῖδα) Спатембы⁴⁸. Это точно соответствует связям между царями, описан-

⁴⁵ «...поставил царем страны Спатембу – одного из своих товарищей, наиболее посвященного Вакху, когда же Спатемба умер, царская власть перешла к его сыну Будии, [который] передал царскую власть Крадэве».

⁴⁶ «И достославными царями, и теми, кто желает обрести царское достоинство в этом мире... / Среди воинов да будет почитаться как изначальный царь, как первый владыка».

⁴⁷ Patil D.R. Cultural History from the Vāyu-Purāṇa. Poona, 1946. P. 28, 163.

⁴⁸ Легенда о рождении Будхи подробно рассмотрена В. Кирфелем: *Kirfel W. Der Mythos von der Tārā und* 4

ным в «Брахма-пуране» (9. 31–32; 108. 56)⁴⁹. Происхождение имени «Спатемба» пока не прояснено: предлагавшийся ранее эпитет «*śvetāmbu*»⁵⁰ («белое пятно») в источниках не засвидетельствован. К.Д. Сетна возводил имя Спатембы к «*saptāmbāḥ*» («семи-водный»: RV. VII. 42. 1)⁵¹. Данный фрагмент «Ригведы» действительно обращен к Соме, но такого эпитета там нет. Этот вопрос пока остается открытым. Можно было бы предположить, что первая часть имени Спатембы отражает санскритское «*sva-*» (само-).

ДИОНИС – КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Мифологическая традиция содержит данные об эвергетической деятельности первого индийского царя по данным пуран – Притху, которая также может стать предметом рассмотрения с точки зрения теории и практики царской власти в ходе совершения раджасуи. Функция вселенского завоевателя подразумевала и производство продовольствия⁵². В ходе раджасуи царь выступает как источник блага, которое он распределяет среди людей⁵³. Брахманическая традиция содержит сведения о том, что первый царь среди людей Притху «обрел всю еду»⁵⁴. Известно, что он не только «выдоил» из земли (представленной в образе коровы) навыки сельскохозяйственной деятельности вообще и различные плоды в частности, но и пожелал «сохранить» все продовольствие, тем же прославился «индийский» Дионис (Diod. II. 38. 5). Образ разоренной, неплодородной земли, которую нашел Дионис, придя в Индию, хорошо согласуется с тем, что земля при отце Притху – тиране (но не царе) Вену – была совершенно невозделанной, дикой (VP. I. 13. 67–68, 86). И сам обряд раджасуи нацелен на то, чтобы восстановить истощенные мировые силы плодородия, когда они в конце каждого календарного года пребывают в упадке. В Индии, какой ее нашел Дионис, также ничего не возделывалось, люди жили в дикости, земля оставалась необработанной, не дававшей плодов. Данные индийских источников о Притху хорошо согласуются с тем, что известно о Дионисе из сочинений греческих авторов: покорив всю землю, он побудил ее дать плоды, им были установлены справедливые законы, все виды существ⁵⁵.

«Вишну-пурана» говорит о том, что до Притху все растения были истреблены и люди гибли от голода (I. 13. 67–68, 86). «Брахма-пурана» описывает, как благодаря Притху земля начала давать плоды (правда – без вспашки плугом), коровы – молоко, появилась еда:

akṛṣṭapacyā pṛthivī sidhyanty annāni cintanāt |
 * sarvakāmadughā gāvaḥ puṭake puṭake madhu (4. 59)⁵⁶.

То, что земля плодоносила «*akṛṣṭapacyā*», стоит отнести на восхваление сверхъестественных способностей Притху как царя-благодетеля, и сочность эпитетов, выразивших их, но не на реальный интерес сказителя к отсутствию навыков вспашки в

der Geburt Buddhas // *Kirfel W. Kleine Schriften*. Wiesbaden, 1976. S. 72–90. Он же приводит данные о том, что «Брахма-пурана» содержит наиболее древнюю и самую полную версию этого мифа (Ibid. S. 72).

⁴⁹ Несмотря на усилия К. Чаттопадхьяя (*Chattoпадхьяя*. Op. cit. P. 265–266) доказать, что в тексте *Tāṇḍyamahābhāṣya* термин *saṃtāyanaḥ* нельзя рассматривать как «сын Сомы», «Брахма-пурана», пересказывая сложные перипетии рождения Будхи, недвусмысленно говорит именно об этом.

⁵⁰ *Chattoпадхьяя*. Op. cit. P. 265.

⁵¹ *Sethna K.D. Megasthenes and the Indian Chronology as Based on the Purānas // Purāna*. 1966. 8. 2. P. 277.

⁵² Ibid. P. 118.

⁵³ *Heesterman J.C. Ancient Indian Royal Consecration*. The Hague, 1957. P. 52.

⁵⁴ Ссылки см. Ibid. P. 67.

⁵⁵ Интересно отметить, что Притху был провозглашен царем в том числе и горами, а Дионис особенно почитался горными «философами».

⁵⁶ «Земля не знала вспашки, еда появлялась без хлопот / Все коровы, подобные Камадугхе, давали молоко, мед был в каждой чашке».

эпоху Притху, тем более, что прямо противоположное говорится далее. Основание городов, введение торговли, скотоводства, вспашки земли, накопление средств существования, появление «правды» и «неправды», что можно воспринимать как начало «законов» и «суда», оседлого образа жизни – все эти нововведения «индийского» Диониса появились при Притху:

nahī pūrvavisarge vai viṣame pṛthivītale |
sambhāgaḥ purāṇām vā grāmānām vābhavat tadā ||
na sasyāni na gorakṣyam na kṛṣir na vaṇikpathaḥ |
naiva satyāntam cāsīn na lobho na ca matsaraḥ ||
vaivasvate 'ntare tasmīn sāmpratam samupasthite |...
tatra tatra prajāḥ sarvā nivāsam samarocayan ||
āhāraḥ phalamūlāni prajānām abhavat tadā...
sasyajātāni sarvāni pṛthur vaiṇyaḥ pratāpavān... (4. 91–97)⁵⁷.

То, что Дионис научил, согласно Арриану (Ind. 7. 7), индийцев запрягать волов в плуг, также находит свое объяснение на материале раджасуи. Есть гипотеза, согласно которой первоначально это был ритуал царской пахоты⁵⁸.

Принимая во внимание возможность заимствования Мегасфеном определенного пласта информации от спутников Александра Македонского и то, что сам Мегасфен несомненно побывал в Северо-Западной Индии, где вполне мог получить информацию от представителей «неортодоксальной» индийской культуры⁵⁹, следует отметить, что частично можно проследить параллели к этому рассказу и в мифологии кафиrow: Imra/Mara считается их верховным богом; он привнес в жизнь людей много важных культурных начинаний: распределил пшеницу, научил пахать землю и использовать плуг. После того, как он привил людям навыки культурной жизни, он перешел на небеса⁶⁰. Вполне возможно, что основы этой истории были записаны не при дворе Чандрагупты, а среди гор на северо-западе Индии, и уже в Паталипутре развиты.

УСТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТА ДИОНИСА В ИНДИИ

В источниках имеются сообщения о том, что Дионис научил индийцев почитать богов и прежде всего самого себя (Diod. II. 38. 5; Ar. Ind. 7. 3, 8). Наилучшим, и, наверное, единственным соответствием введению богочитания в индийской традиции является легенда о восстановлении Притху ведийского жертвоприношения, отмеченного его отцом тираном Веной:

maryādām bhedayām āsa dharmopetāni sa pāṛthivaḥ |
vedadharmān atikramya so 'dharmanirato bhavat ||
niḥsvādhyāvaśatkārāḥ prajāś tasmīn prajāpatau |
pravṛttam na papuḥ somaḥ hutam yajñeṣu devatāḥ |
na yaṣṭavyam na hotavyam iti tasya prajāpateḥ |
āsīt pratijñā krūreyam vināśe pratyupasthite ||
aham ijaś ca yaṣṭā ca yajñāś ceti bhrgūdvaḥ |
mayi yajño vidhātavyo mayi hotavyam ity api || (4. 31–34)⁶¹.

⁵⁷ «В прежнем творении на грубой поверхности земли / Не было разделения на город и деревню / Не было ни земледелия, ни скотоводства, ни вспашки, ни торговых путей / Не было правды и неправды, не было жадности, не было ревности / Когда при этом Вивасвате наступило настоящее... / Тогда все живые существа обрели оседлость / У них появилась еда, плоды и корни для потомков / Зерно всякого вида Притху Вайнья даровал...». Тот же текст приведен и в «Вишну-пуране» (I. 13. 83–84); «Бхагавата-пурана» также восхваляет Притху-родоначальника цивилизации (IV. 15–18).

⁵⁸ Heesterman. Op. cit.

⁵⁹ Бухарин М.Д. Мегасфен в Индии // Древний Восток и античный мир: Сборник научных трудов кафедр истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1998. С. 103–113.

⁶⁰ Lettmar. Op. cit. S. 68–69.

⁶¹ «Этот царь [Вена. – М.Б.] перешел границы и пределы праведности, / Переступил через законы Вед, он предавался беззаконию / При этом правителе подданные не изучали священное писание, и не занимались

Так как Притху был первым царем в эру Ману Вайвасваты, слушателями этой истории, в том числе и Мегасфеном, он справедливо мог быть расценен как установивший богопочитание. Длинные волосы «последователей Диониса» также наталкивали греческих авторов на мысль о вакхическом характере его культа. Между тем, обратившись к обряду раджасуи, можно выяснить, что длинные волосы в данном случае заключают в себе большой ритуальный смысл. Согласно индийским представлениям, волосы заключают в себе мужскую силу. Сила воды⁶², которой царь посвящался на царство, переходила в его волосы. Царь не мог отстричь их, но лишь укоротить, чтобы не утратить царской силы⁶³. В ходе обряда раджасуи, по этой причине, даже царским подданным не разрешалось стричь волосы или ногти и брить бороду⁶⁴.

Сведения Мегасфена о почитании Диониса в горах (Strabo. XV. 1. 58) не могли быть составлены в Паталипутре. Некоторые параллели этому сюжету прослеживаются, опять же, на мифологическом материале кафиров: *Imga/Maga* – верховный бог – почитался изобретателем танца и создателем первой фигуры бога. Первую он выстрогал самостоятельно. То, что *Imga/Maga* вполне мог иметь определенное отношение к созданию легенды об «индийском» Дионисе – культурном герое, уже отмечалось выше. Эти данные дополняют уже вполне явственный информационный пласт, позволяющий говорить о возможном влиянии мифологической традиции кафиров на формирование основ истории об индийском походе Диониса и Геракла в «Индику» Мегасфена или через сочинения биографов Александра.

ВЫВОД

На основе выше сказанного вполне установленным можно считать тот факт, что история о завоевании Дионисом Индии, будучи построенной по классическим канонам древнегреческой этнографии, в своей содержательной части базируется на материале индийской традиции, восходящей к описанию обряда раджасуи. Она имеет несколько слоев: участники индийского похода Александра Македонского встретили следы культа божеств, возможно, Шивы, которые подкрепили их ожидания увидеть следы Диониса в Индии. Мегасфен, восприняв эту легенду, насытил ее «историческим» содержанием, отражающим начало индийской истории и описание посвящения на царство Притху – первого царя эры Ману Вайвасваты.

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ ГЕРАКЛОМ

Потомки Геракла воцарились над всей Индией, где уже правили потомки Диониса (Arg. Ind. 8. 4). Для греческого читателя это должно было означать еще одну всеиндийскую военную кампанию, но для современного исследователя – лишь факт символического завоевания всей земли в обряде раджасуи, совершаемого каждым новым царем. Для идентификации этого события, описанного Мегасфеном, ключевыми моментами являются принадлежность Геракла к династии Диониса, завоевание Индии, основание своей династии, имя дочери – Пандайя. Все эти признаки могут быть совмещены лишь в том случае, если предположить, что эта информация Мегасфена передает центральный сюжет индийского эпоса «Махабхарата» – победу братьев Пандавов над Кауравами, принадлежавших к одной Лунной династии. И в пересказе античных авторов данного сюжета мы имеем приход к власти другого рода в рамках

жертвоприношением / Боги в жертвоприношениях не получали ни сомы, ни возлияний / «Ни жертвоприношений, ни возлияний» – так приказал этот владыка... / «Я должен почитаться, мне должно приносить в жертву» – так [он сказал], о сын Бхригу, «для меня должно совершаться жертвоприношение и возлияние». Та же история представлена в VP. I. 13, 14, 20–24.

⁶² Не стоит забывать, что Сوما и Варуна, два наиболее значительных божества, «задействованных» в ходе раджасуи, олицетворяли собой водное начало.

⁶³ Gonda J. *Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View*. Leiden, 1969. P. 21. Также см. Heesterman. Op. cit. P. 216–217.

⁶⁴ Heesterman. Op. cit. P. 213.

одной династии. Если это так, то, возможно, пресловутый Крадэва – не испорченная форма имени Пурурваса⁶⁵; вторая часть его имени определенно отражает санскритское «deva» (бог), а первая восходит к «kuru». Тогда носителя этого имени можно было бы рассматривать как Kurudeva – обобщенного персонажа, который мог отразить в расказе Мегасфена завершение правления Кауравов.

Установление власти Пандавов сопровождалось боевыми действиями, скитаниями по Индии, битвами с разного рода чудовищами и, наконец, совершением старшим из Пандавов, Юдхистхирой, раджасуи – ритуала посвящения на царство. И раздел земли между сыновьями, о чем упомянул Мегасфен в отношении «индийского» Геракла, является необходимым атрибутом ритуала раджасуи⁶⁶.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЦАРСТВА ДОЧЕРИ ГЕРАКЛА И ПРОБЛЕМА «СОБАКОГОЛОВЫХ»

Имя дочери Геракла – Пандайя также должно указывать на то, что этот сюжет восходит к описанию деяний Пандавов. Более популярна другая гипотеза: целый ряд исследователей ссылались на царство Пандья, расположенное на крайнем юге Индии как на исторический прообраз царства дочери Геракла⁶⁷. Если обратиться к вопросу о его локализации, то из работ Плиния Старшего: «Ab his gens Pandae, sola indorum regnata feminis» (6. 76)⁶⁸; «...Crates Pergamenus Indos, qui centenos annos excedant, Gymnetas appellat, non pauci Macrobius. Ctesias gentem ex his, quae appellatur Pandae, in conuallibus sitam annos ducenos uiuere, in iuuenta candido capillo qui in senectute nigrescat; contra alios quadragenos non excedere annos, iunctos Macrobiis, quorum feminae semel pariant... Mandorum nomen iis dedit Clitachus, et Megasthenes trecentos quoque eorum uicos adnumerat. Feminas septimo aetatis anno parere, senectam quadragesimo accidere. Duris Indorum quosdam cum feris coire mixtosque et semiferos esse partus... In Calingis eiusdem Indiae gente quinquennis concipere feminas, octauum uitae annum non excedere» (7. 27–30)⁶⁹ и Солина: «...Pandaeca gens a feminis regitur, cui reginam primam adsignant Herculis filiam. Et Nysa urbs regioni isti datur, mons etiam Ioui sacer, Meros nomine, in cuius specu nutritum Liberum patrem ueteres Indi adfirmant; ex cuius uocabuli argumento lasciuenti fame creditur Liberum femine natum» (Solin. 52. 15–16)⁷⁰; «Megasthenes per diuersos Indiae montes esse

⁶⁵ Так полагали Х. Лассен и Ж. Дюмезиль: *Lassen. Bemerkungen...* S. 253; *Dumézil. Héraclès: ses fils et sa fille.* P. 50.

⁶⁶ *Dumézil G. Alexandre et les sages de l'Inde // Dumézil G. La courtisane...* P. 73–74.

⁶⁷ *Lassen. Indische Altertumskunde.* Bd I. S. 649–650; *Kanakasabhai Pillai V. The Tamils Eighteen Hundred Years Ago.* Madras, 1904. P. 54–55; *Smith V.A. The Early History of India.* Oxf., 1908. P. 407; *Schoff W.H. The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century.* N.Y., 1912 (repr. New Delhi, 1974, 1995). P. 238; *Kuiper.* Op. cit. P. 144; *Dessigane R., Pattabiramin P.Z., Filliozat J. La légende des jeux de Çiva à Madurai // Publications de l'Institut française d'indologie.* Pondichéry. 1960. 19. 1. P. xiii; *Filliozat. Plinie et le Malaya.* P. 128; *André, Filliozat.* Op. cit. P. 156–157; *Casson L. The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary.* Princeton, 1989. P. 218.

⁶⁸ «Затем следуют панды, единственный народ из индийских, управляемый женщинами».

⁶⁹ «...Кратес Пергамский называет индов, которые переходят возраст 100 лет, Гимнетами, немало [авторов] – Макробиями. Ктесий говорит, что из них народ, называемый Панды, живет в равнинах по 200 лет, имеет в юности белые волосы, которые в старости чернеют, зато другие – соседи макробиев, женщины которых рожают лишь раз, не живут более сорока лет... Клитарх им дает имя мандов, а Мегасфен у них насчитывает 300 поселений. Женщины рожают в возрасте семи лет и достигают старости к сорока... Дурис говорит, что некоторые индийцы соединяются с дикими животными, и рождаются существа смешанные и на половину животные... У калингов – народа из того же региона Индии, зачатие происходит в пять лет, и не переходят возраста восьми лет».

⁷⁰ «...Народ пандов управляется женщинами, и первая их царица была, как говорят, дочерью Геракла. К этому региону также приписывают город Нису с Горой Мерос, посвященной Юпитеру, где, как говорят древние индийцы, Дионис был взращен в гроте, от чего пошла молва, что Отец Либер вышел из бедра».

scribit nationes capitibus caninis, armatas unguibus, amictas uestitu tegrorum, ad sermonem humanum nulla uoce, sed latratibus tantum sonantes rictibusque. Apud Ctesiam legitur quasdam feminas ibi semel parere natosque canos ilico fieri; esse rursum gentem alteram quae in iuuenta cana sit, nigrescat in senectute, ultra aevi nostri terminos perennantem» (Solin. 52. 27–28)⁷¹ следует, что информация о пандах, управляемых женщинами, первая из которых являлась дочерью Геракла, была известна уже Ктесию (а он вряд ли мог иметь достоверную информацию о крайнем юге Индии), и что этот регион скорее всего располагался где-то в Северо-Западной Индии. И. Пушкаш полагает, что еще Геродоту был известен факт существования самостоятельного государства пандов, находившегося на крайнем юге Индии⁷². Сам Ктесий не мог не знать о том, что народ «Παδάιοι» упоминался уже у Геродота (III. 98), которых тот помещал к востоку от Инда. Обилие новых подробностей говорит о том, что Ктесий собирал о них информацию и самостоятельно. Во всяком случае идеи И. Пушкаш выглядят недоказанными: можно ли поместить на крайний юг Индии народ, локализуемый Геродотом к востоку от Инда. Этот сюжет мог отразиться в названии «Женская гавань», расположенной к западу от устья Инда, носящей имя женщины, первой властвовавшей в этой местности (Агг. Ind. 22. 5; Ptol. 6. 21. 2) и в «стране Пандоуй», расположенной у Клавдия Птолемея (7. 1. 46) вдоль реки Бидасп (Гидасп – приток Инда, ныне Джелум). Плиний Старший также передает, что «orpidum Panda» находится «за Паропамисадами» (6. 49), т.е. опять же на северо-западе.

Определению местонахождения царства дочери Геракла поможет анализ вышеприведенных данных о пандах в сопоставлении с информацией о «собакоголовых». Вопрос о происхождении последних уже давно обсуждается в научной литературе, где оно, как правило, объясняется простым заимствованием из санскритской литературы преданий о «*śvāmukha*»⁷³. Особую позицию занимал Р. Шафер, полагавший, что речь идет об ошибке переписчика Ктесия, который вместо изначального «*κλυξέτρ*» вставил «*κλυστρ*», и что речь, таким образом, должна здесь идти о Кауравах – доминирующей политической силе Индии того времени⁷⁴. Недоумение вызывает само

⁷¹ «Мегасфен говорит, что на разных индийских горах живут народы с собачьими головами, имеющие когти, носящие одежду из шкур, для человеческого общения не используют голоса, но – лай из открытой пасти. Ктесий же говорит, что некоторые женщины там рожают детей лишь один раз, и дети сразу имеют белые волосы. А другой народ с белыми волосами в юности и черными в старости превосходит наши пределы жизни».

⁷² *Puskas I. Mahabharata Motives in Classical Greek and Latin Sources // Sanskrit and World Culture, Proceedings of the Fourth World Sanskrit Conference of the International Association of Sanskrit Studies, Weimar. May 23–30, 1979. В. 1. 1979 (Studien zur Geschichte und Kultur des alten Orients. 18). S. 257–262; eadem. Herodotus and India // Oikumene. 1983. 4. P. 204–205.* Интересно, что и К. Карттунен отказывается связывать сведения Ктесия о пандах с сообщениями о дочери Геракла и ее народом на основании того, что «Ктесий принадлежит к гораздо более раннему времени, чем Мегасфен» (*Karttunen. India in Early Greek Literature. P. 206*). Но не ясно, в чем здесь противоречие. Мегасфен как раз и был подготовлен взглядами Ктесия к сообщениям о пандах, которые он затем развил.

⁷³ Попытки идентифицировать «собакоголовых» см. *Lassen. Indische Altertumskunde. II. S. 654–656; Bunbury E.H. History of Classical Geography. I. L., 1883; Reese W. Die griechischen Nachrichten über Indien bis zum Feldzuge Alexanders des Grossen. Lpz. 1914. S. 71–92; Rowlinson H.G. Intercourse between India and the Western World. Camb., 1916. P. 66 (śvāmukha); Wecker O. Kynokefaloi // RE. 1925. Bd 12. S. 25–26; Sircar D.C. Studies in the Geography of Ancient and Medieval India. New Delhi, 1971. P. 69; idem. Cosmography and Cosmology in Early Indian Literature. Calcutta, 1976. P. 233; Schwarz F.F. Kynokefaloi // Der Kleine Pauly. Bd III. Stuttgart, 1975. S. 400; Lindegger P. Griechischen und römischen Quellen zum peripheren Tibet II: Überlieferungen von Herodot zu den Alexanderhistorikern (Die nördlichen Grenzregionen Indiens) // Opuscula Tibetana. 1982. 14. S. 69–70; Karttunen K. Κυνόκεφαλοι and Κυνάμολοι in Classical Ethnography // Arctos. Acta Philologica Fennica. 1984. 18. P. 31–36.*

⁷⁴ *Shafer R. Unmasking Ktesias' Dog-Headed People // Historia. 1964. Bd 13. Heft 4. P. 499–503.* Его позиция справедливо названа К. Карттуненом не выдерживающей критики: *Karttunen. Κυνόκεφαλοι... P. 33.* То, что о них ничего не сообщают историки Александра, Карттунен объясняет тем, что «собакоголовые» «жили в более отдаленном месте»: *Karttunen K. India and Hellenistic World. Helsinki, 1997 (Studia Orientalia. 83). P. 27.* Но тут он явно противоречит сам себе: по его же мнению, информация о таком роде неарийских племенах восходит именно к северо-западу Индии: *idem. India in Early Greek Literature. P. 186.*

стремление искать соответствие «собакоголовым» именно в «*śunamukha*»: ведь это название было приведено еще Геродотом по отношению к Ливии. Обращает на себя внимание и значительное количество совпадений в характеристиках между пандами и «собакоголовыми»:

Панды	«Собакоголовые»
а) управляются женщинами (Plin. NH. 6. 76);	
б) составляют часть макробиев – долгожителей (Plin. NH. 7. 28: со ссылкой на Ктесия);	другой народ... превосходит «наши» пределы жизни (Solin. 52. 28);
в) в юности имеют белые волосы, которые к старости чернеют (Plin. NH. 7. 28: со ссылкой на Ктесия);	дети имеют белые волосы (Solin. 52. 28);
г) у мандов – соседей макробиев – женщины рожают лишь раз к 7 годам, в возрасте 40 достигают старости (Plin. NH. 7. 29: со ссылкой на Ктесия и Клитарха);	женщины рожают лишь раз (Solin. 52. 28);
д) первая царица пандов – дочь Геракла (Solin. 52. 15);	
е) имеют 300 поселений (Plin. NH. 7. 29: со ссылкой на Мегасфена);	насчитывают 12 000 человек (Ctes. F. 45. 30);
ж) в их районе расположены гора Мерос и город Ниса, живут в равнинах по 200 лет: (Solin. 52. 16).	живут в разных горах (Solin. 52. 27).

Получается следующая картина: 1) часть народа макробиев составляют панды, живущие по 200 лет, дети которых в детстве имеют волосы белые, чернеющие к старости; 2) у макробиев есть соседи манды, женщины которых рожают один раз и живут только до 40 лет, дети имеют ту же особенность и ее же имеют дети «собакоголовых», чья продолжительность жизни превосходит известные пределы; 3) исключительно малую продолжительность имеют калинги. Так как панды и манды – один и тот же народ⁷⁵, то из общей картины соответствия пандов «собакоголовым» выбивается только сообщение о малой продолжительности жизни мандов, которая соответствует данным о калингах. Некоторая путаница в сведениях происходит от того, что их сообщали несколько авторов, жившие в разное время, а на мандов могли быть распространены характеристики калингов.

Сама идея о существовании «собакоголовых» могла быть заимствована из сочинения Геродота, который помещал их во внутреннюю Ливию (4. 191); он же был первым, кто сообщал о наличии в Индии народа «падеев» (III. 99). На основании постоянного смешения индийских и африканских (эфиопских) реалий, сама идея о существовании «собакоголовых» могла быть естественно «перенесена» Ктесием на индийскую почву и воспринята последующими авторами. Это объяснение тем более вероятно, что Ктесий, описывая «собакоголовых», говорит: «καλοῦνται δὲ ὑπὸ τῶν Ἰνδῶν Καλύστριοι, ὅπερ Ἑλληνιστὶ κυνοκέφαλοι τὸ δὲ ἔθνος ἐστὶν ἕως δώδεκα μυριάδων» (F. 45. 30)⁷⁶. В происхождении «индийского» слова Καλύστριοι нужно

⁷⁵ В некоторых среднеиндийских языках, прежде всего в ардхамагадхи, m появляется вместо p, b и v (Pischel R. A Grammar of the Prakrit Languages. Delhi–Varanasi–Patna, 1981. P. 248–250).

⁷⁶ «Индами же называются "калюстрами", тогда как эллинами – "собакоголовыми": сам же народ насчитывает 12 000 [человек].»

искать ключ к разгадке данного вопроса. Первая его часть – Καλύ(σ) – явно восходит к названию народа карушей – kāḷūṣā. Вторая часть – στριοι – могла бы восходить к санскритскому gāṣṭra, и тогда этноним Καλύστριοι мог означать «происходящие из царства карушей». Это их наименование было бы тогда близкородственно названию города Клейсобора – kāḷūṣarūga – «город карушей»⁷⁷, в котором Геракл особенно прославлялся наряду с Матхурой (Agr. Ind. 8. 5), и напрямую сблизило бы калюстриев-собакоголовых с пандами. С другой стороны, учитывая, что панды управлялись женщинами, στριοι могло бы восходить к санскритскому stṛī – «женщина» и тогда Καλύστριοι могло бы означать «каруши, управляемые женщинами». Даже если с этим не соглашаться, то принципиально важным остается этимология первой части Καλύστριοι, как восходящей к названию народа карушей. В обоих случаях, однако, пришлось бы согласиться с тем, что при устной передаче информации (при которой возможны самые диковинные искажения) в названиях kāḷūṣāgāṣṭrāḥ или kāḷūṣāstṛīyaḥ выпали слоги и -gāṣ и -ṣā. Примеры подобного рода потерь при передаче санскритских имен собственных на греческий хорошо известны: имя сакского сатрапа Naharāna, упомянутого в «Перилле Эритрейского моря» (41: 14. 2), перешло в Μανβάνος, а столица Магадхи Pātāliputra превратилась в Παλίμβουρα (Agr. Ind. 2. 9). Название же κυνοκέφαλοι является не чем иным, как обидным прозвищем: эллины не понимали языка карушей, он им представлялся набором грубых звуков, о чем они не преминули упомянуть, потому и дали им такое наименование; это отчетливо явствует из цитированного выше высказывания Солина о том, что вместо человеческой речи «собако-головые» используют для общения собачий лай (52. 27), и в этом контексте название «собакоголовые» можно рассматривать как синоним к слову «варвар». Таким образом, каруши и были пандами античной традиции, первой царицей которых была дочь Геракла, а их «греческое» наименование родилось не в Индии. Но, стремясь как-то обозначить неизвестный народ, говоривший на непонятном грубом языке, Ктесий, а за ним и Мегасфен и все остальные рассказчики естественно прибегли к такому «удачному» прозвищу. Вероятно, и сообщение Дуриса о «полузверях», получающихся в результате соединения людей с животными, имеет отношение к теме «собако-головых».

В любом случае ни Геродот, ни Ктесий не располагали царство Пандаи на крайнем юге Индии, но где-то в Индо-Гангской долине. С другой стороны, Мегасфен воспринимал, конечно, всю информацию на слух, следовательно, само понятие «юг» должно было быть передано ему не иначе, как «dakṣiṇa». А в «dakṣiṇa» совсем не обязательно видеть крайний юг Индии, где располагалось «историческое» южноиндийское царство Пандья. Это понятие обозначало территорию Декана, противопоставляющуюся «Срединной земле» – «madhyadeśa». В рассматриваемом случае речь идет только о том, что царство Пандаи располагалось к югу от остальных частей царства Геракла.

В этой истории нужно видеть первый слой информации, измененный будущими поколениями пересказчиков. Затем Полиэн и Арриан дополнили эту историю ссылками на греческих и римских торговцев на дравидийском юге; таким образом легенда была окончательно сформирована. Приключения Пандавов прекрасно дополняют «Индику» Мегасфена историческими подробностями. В этом случае должна быть отброшена идея поиска какого-либо отдельного представителя индийской традиции на роль Геракла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли было бы разумным пытаться отыскать все признаки Диониса или Геракла, упомянутые в античной традиции, в каком-либо одном персонаже. Что касается остальных подробностей, то скудость и традиционность источниковой базы по индийской мифологии, с одной стороны, не позволяют их однозначно атрибутировать, с другой – отвергнуть, как не принадлежащие тому или иному персонажу. Если теперь поставить

⁷⁷ Вигасин А.А. Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // ВДИ. 1999. № 1. С. 26–28.

вопрос так, как он стоял до сих пор, а именно: какое же индийское божество было описано Мегасфеном под именами Диониса и Геракла, то ответ будет следующий: в этих историях в главном, т.е. в повествовании о завоевательном походе и событиях его сопровождавших, была отражена фигура царя, совершавшего обряд помазания на царство – раджасуя. В образе Диониса отражена фигура первого царя по данным пуран – Притху, в образе Геракла – деяния братьев Пандавов и приход к власти династии Пандавов.

EARLY INDIAN ROYAL DYNASTIES IN THE EPIC, PURĀNIC AND CLASSICAL TRADITIONS

M.D. Bukharin

The Indian campaigns of Dionysos and Heracles are being analyzed for more than 200 years from the point of view of their identification with certain heroes of ancient Indian religious tradition. In fact this story was formed following the stereotypes of the ancient Greek ethnographical tradition: the key interest of its re-teller – mostly Megasthenes – was not the cult of any particular god in India – but the beginning of Indian history and its first royal dynasties. The following circumstances are to be taken into consideration: the way of communication of Megasthenes with his Indian informants presumed large simplification of the information he received, one must strictly distinguish the data of the biographers of Alexander the Great from the information of Megasthenes and later contributors. If so, this story must go back to the corresponding source of information in Indian tradition, but some its basic features could be found at the non-brahmanical peoples of the North-Western India (e.g. the kafirs). The only possibility to find it is the supposition that as such the information on the rite of consecration of the Indian kings – rājasūya – was used and on the main concept of the royal power – «vijāya». The story of the first fulfillment of this rite by Pṛṥhu was the foundation of the story about the conquest of India by Dionysos. The function of the «cultural hero» may be also traced on the material of rājasūya: a newly consecrated king had to introduce the civilized way of life, whose features perfectly coincide with the details of Dionysos' activity and the image of India before the coming of Dionysos is very similar to what was said about wildness of the world before the Pṛṥhu's consecration in the rājasūya rite. The establishment of the cult of Dionysos corresponds to the restitution of the Vedic sacrifice abolished by the tyrant Vena – father of Pṛṥhu. The conquest of India by Heracles is to be treated as the fulfillment of this rite by another king. The appearance of «Indian Heracles» reflects the coming to power of the new dynasty – that of the Pāṇḍavas. If so, the first Indian dynasty in classical tradition would reflect the following sequence of the kings: Dionysos-Pṛṥhu – Spatamba-Soma – Budia-Budha, his son – Kradeva-Kurudeva (not Pururvas, as commonly assumed) – a generalized character, symbolizing the end of the power of the Kauravas – Heracles-the coming to power of the Pāṇḍavas.

An alternative solution of the problem of the «dog-headed» people is proposed. The author pays attention to the similarity of the characteristic features of the «κυνοκέφαλοι» and pandas. «Καλύστριοι» – an Indian designation of the «dog-headed people»; the first part of this word is to be interpreted as coming back to kārūṣa, the second – either to rāśvtrāḥ (thus meaning «kingdom of Karushas») or to strī (headed by women), anyway «Καλύστριοι» are very close to the inhabitants of Kleisobora – city of the Karushas, the worshipers of Heracles. Karushas were the people designated by the Greeks and Romans as pandes. «Κυνοκέφαλο» was nothing more than a nickname of the people whose speaking reminded to the Greeks the dogs' howling. If so, the country of Heracles falls to the region to the North of Mathura.